УДК 330.1

JEL O3, B52

DOI: 10.17213/2312-6469-2020-3-281-293

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИИ РОССИЙСКИХ УПРАВЛЕНЦЕВ

© С.А. Салтыков 2020

*Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН,
г. Москва, Россия*

В статье проанализирована типология управленцев в России, предложенная голландским экономистом Манфредом Кетс де Врисом, много лет преподающим во Франции в школе менеджмента INSEAD и подробно изучавшим специфику управленческой культуры в России. Показано, что несмотря на то, что черты различных типов управленцев им описаны достаточно точно, анализ причин такой типологизации можно углубить. А меры, предлагаемые им для повышения эффективности инновационной системы, существенно дополнить и подкорректировать. Предположено, что для более эвристичного анализа оснований типологизации управленцев в России можно, в числе прочего, использовать понятие «русской системы», введенное Ю.Пивоваровым и А.Фурсовым, а также типологию ментальности субъектов А.Пелипенко. Обосновано, что с появлением феномена интернета и сервисов, построенных на его основе, весьма исторически устойчивая «русская система» может претерпеть существенные, глубинные трансформации, которые выведут на уровень принятия решений управленцев нового типа. Их черты Манфред Кетс де Врис тоже выявил и описал, но глубинные причины их появления не указал. Наш анализ показывает, почему субъекты управления, более склонные к медиации (посредничеству) между различными секторами науки и экономики, появляются именно сейчас и каков в общих чертах будет характер трансформаций «русской системы».

Ключевые слова: *типология управленцев, «русская система», типы ментальности.*

CULTURAL BASES OF THE TYPOLOGY OF RUSSIAN MANAGERS

© S.A. Saltykov 2020

Institute of control sciences RAS V.A. Trapeznikov, Moscow, Russia

The article analyzes the typology of managers in Russia, proposed by Dutch economist Manfred Kets de Vries, who for many years taught in France at INSEAD School of Management and studied in detail the special features of managerial culture in Russia. It is shown that despite the fact that the features of different types of managers are described quite accurately, the analysis of the reasons for such typologization can be deepened. And the solutions proposed by him to increase the efficiency of the innovation system can be substantially sup-

plemented and corrected. It is supposed that for a more heuristic analysis of the reasons for typologization of managers in Russia one can, among other things, use the concept of the "Russian system" introduced by Yu. Pivovarov and A. Fursov, as well as the mentality typology of subjects introduced by A. Pelipenko. It is justified that with the advent of the phenomenon of the Internet and services based on it, a very historically stable "Russian system" can undergo significant, profound transformations that will lead to the level of decision-making the managers of a new type. Manfred Kets de Vries also revealed and described their features, but did not indicate their underlying causes. Our analysis shows why the managerial subjects, who are more inclined to mediate between different sectors of science and economics, are appearing now and what the nature of transformations of the "Russian system" will be in general.

Keywords: managers typology, "Russian system", types of mentality.

Введение

Манфред Кетс де Врис выделяет несколько различных типов управленцев в России и приводит их характерные черты. Он считает, что российских управленцев можно подразделить на «местных» (local) и космополитов [9, 10]. Среди первых можно выделить, в свою очередь, традиционалистов и современных «местных», которых можно, наверное, еще назвать почвенниками. Последний тип только сейчас нарождается, формируется, отмечает Манфред. Традиционалистам свойственна, по его мнению, нацеленность на авторитарный стиль управления вместо ориентации на авторитет; тяга к закрытости, отгороженность от большого системного мира; малая способность к восприятию инноваций. Причинами таких особенностей Манфред видит особенности географического положения России, суровый климат и многочисленные общественно-исторические потрясения. Для повышения эффективности инновационной системы России он предлагает в целом уделять больше внимания образованию и восстановить некие «моральные ориентиры».

На наш взгляд, эти черты он ухватывает довольно точно, но вот то, с какими факторами он это связывает, вызывает некоторые вопросы. Также вызывают вопросы те меры, которые Манфред предлагает. Но тема, которую он поднимает, безусловно, значимая, а его предположение о новом типе, безусловно, актуально и требует соответствующего объяснения.

Таким образом, целью настоящего исследования было развить наши наработки о роли культурно-исторических типов в управлении [7] и вскрыть глубинные причины именно такой типологизации российских управленцев, и в соответствии с этим дополнить и подкорректировать картину происходящих и предстоящих трансформаций российского управленческого ландшафта.

Изложение будет построено следующим образом. Сначала мы остановимся на методологических принципах проведенного анализа. Затем соотнесем черты управленцев, описанные Манфредом с концепцией так называемой «русской системы». Затем проанализируем, как именно типовые

для различных управленцев «атомарные» акты принятия решений соотносятся с их типом ментальности, а точнее с так называемыми принципами оперирования бинарными оппозициями. Проанализированные закономерности о связи типов управленческой культуры и базовых способов расширения представлений о реальности используем для объяснения происходящих трансформаций управленческого ландшафта.

Методологические принципы проведенного анализа

Факторы, обусловившие специфику управленческой культуры в России, можно разделить очевидным образом на внешние и внутренние. Наверное, было бы неправильным пытаться определить, какие из этих факторов первичны, что является причиной, а что следствием. Философы бы сказали, что они находятся в сложном диалектическом взаимодействии. Менее философично это можно выразить так. Существует положительная обратная связь между влиянием различных внешних и внутренних факторов на формирование исторически устойчивых и специфичных для России типов управленцев. Совокупность особенностей географического положения России и её климата выдвинули на уровень принятия решений людей, обладающих особыми, наиболее подходящими для таких условий ментальными настройками, то есть специфическими принципами принятия решений в различных типах управленческих ситуаций. В свою очередь, люди с такими ментальными особенностями начали формировать сельскую среду с определенными свойствами, им привычными, удобными и, главное, выгодными. Опять же сформировавшиеся традиции этой сельской среды выдвинули на передний край истории субъектов с комплементарными этим традициям ментальными настройками. Далее на новом витке истории эти субъекты формируют урбанистическую среду определенного рода.

Как именно передаются и закрепляются в этносе ментальные настройки – вопрос во многом открытый и дискуссионный. Понятно, что существенную роль здесь играют и генетические механизмы, и механизмы закрепления культурного опыта через обучение, но в какой именно пропорции и как они связаны, до конца пока не ясно. Так или иначе, положительная обратная связь внешних и внутренних факторов, влияющих на формирование базовых типов управленцев, позволила сформировать достаточно исторически устойчивую ментальную конфигурацию, определяющую, чем руководствуется субъект при принятии решений самого разного рода от почти незаметных, «автоматических», самоочевидных для субъекта решений до судьбоносных для страны решений, относительно которых есть существенный общественный консенсус.

Ещё одно небольшое методологическое замечание. В данном исследовании будет произведена попытка анализа довольно комплексных объектов – стран, этносов. Мы будем пытаться выделить несколько ключевых факторов, существенным образом влияющих на динамику инновационной

деятельности этих объектов. Такой анализ неизбежно обречен на то, что на каждый наш аргумент, что данный фактор действительно определяет динамику данного объекта, можно будет естественным образом привести контраргумент. А так описать весьма комплексный объект исследования небольшим числом параметров, чтобы нельзя было привести отдельных контрпримеров, наверное, нельзя. Придется признать, что в методологическом отношении умозрительный (в хорошем, философском понимании этого слова [1, с. 106-107]) дискурс обосновывается последовательностью, детальностью и стройностью рассуждений, а не отсутствием возможности привести некоторые контрпримеры для отдельных случаев. Ведь мы исследуем типическое, другими словами, среднее для некоторого класса объектов. Такое строгое умозрительное рассуждение прокладывает путь от догадок и предположений исследователя к построенной и тщательно сформулированной гипотезе, которая потом уже проверяется в рамках data-driven подхода. Даже в тех случаях, когда кажется, что время для проверки на данных для данной гипотезы не наступит никогда. Таким образом, умозрительный ход рассуждений есть часть научного исследования.

Приведем пример. Много кто из культурологов и искусствоведов замечал (в частности А.А. Пелипенко [3] и много кто до него), что в текстах культуры XIX века, особенно его второй половины, вдруг абстрактного стало существенно меньше, а конкретного, соответственно, больше. Отмечали, что явно наметился некий перелом. Но это настолько общо, что на каждый конкретный пример того, что конкретного стало больше, можно было привести десять контрпримеров, что нет, доля абстрактного, напротив, возрастала. Удивительно, но даже для таких, в высшей степени общих тезисов пришло время проверки на данных. Как и следовало ожидать, гипотеза подтвердилась [8], культурологи и искусствоведы, имеющую большую «насмотренность» на соответствующие тексты культуры, не ошиблись. Их нейросеть зафиксировала наличие перелома динамики в текстах за несколько десятилетий до того, как это стало возможно сделать на компьютере. Поэтому выражаем уверенность, что сформулированные в настоящем исследовании гипотезы в будущем удастся не только «доточить», сформулировав еще более детально и ясно, но и проверить на реальных данных и моделях, также базирующихся на данных.

«Русская система», её основания и типы управленцев

Каковы же эти ментальные настройки для различных типов управленцев в России? И как принятие во внимание этих настроек поможет нам сделать те выводы о будущем управления в России, которые представляются более правдоподобными и фундированными по сравнению с тем, если бы мы их вообще не учитывали при анализе? Для описания этой совокупности ментальных настроек А.И.Фурсов и Ю.С.Пивоваров вводят понятие «русской системы» [6]. Они подробно рассматривают взаимоотношения власти и подвластных. Для нашего анализа больше подойдет разви-

тие концепции «русской системы», названное А.А. Пелипенко «русской матрицей» [4], однако дополненную русскую систему мы здесь будем называть, чтобы не запутывать, просто «русской системой». В этой концепции делается акцент на исторической устойчивости базовых оснований русской системы. Какие бы ярлычки не наклеивались на элементы этой системы, под каким бы соусом они ни подавались, каким бы ни было внешнее окружение, базовые черты всё те же – негибкость культурного кода, авторитарный характер власти, тяга к закрытости и автономизации от большого мира. Уже сам акцент на ригидности и жесткости поведения субъектов является весьма эвристичным. Действительно, Манфред Кетс де Врис отмечает, что одной из причин «потери моральных ориентиров» как российским обществом вообще, так и его отдельными представителями — управленцами – является атеизм времен коммунизма. С этим нельзя согласиться, и анализ «русской системы» показывает, что российский культурный код всегда был негибким и, так скажем, «немилосердным» – и во времена неистовой веры, и в эпоху воинствующего атеизма. То есть обретение моральных ориентиров мало зависит от того, какой ярлычок вешается на социальный институт пропаганды – религия ли, атеизм ли. В таких выводах и видна польза глубокого культурологического анализа.

Попробуем копнуть еще глубже: что же лежит в основе «русской системы»? Культуролог Андрей Пелипенко считает, что так называемые принципы оперирования бинарными оппозициями являются наиболее существенным основанием для разграничения различных типов ментальности вообще [3] и конкретных механизмов принятия значимых решений – в частности. Не будем останавливаться на строгой дефиниции принципа оперирования бинарными оппозициями (её можно изучить по первоисточнику), отметим здесь лишь то, что из всех рассматриваемых А.Пелипенко принципов оперирования бинарными оппозициями, для нашего анализа важны три – поздний дологоцентрический, логоцентрический медиационный и логоцентрический инверсивный.

Поздний дологоцентрический принцип оперирования бинарными оппозициями может быть описан так. А.Пелипенко отмечает, что «антиномия полюсов оппозиции снимается сведением их к изофункциональным коррелятам более высокого уровня», что приводит к комплементарному «гашению», снятию исходной оппозиционности. Что это значит практически? Последовательное развитие этого принципа-механизма привело к формированию концепта так называемых стихий. Практически любую оппозицию можно свести к оппозициям ряда «вода – огонь» или «вода – камень» или «огонь – камень» и подобным. Это позволяет «доказать», вывести любые тезисы, в том числе и взаимно противоречивые. Такая нечувствительность этого гибкого способа смыслопорождения к противоречиям и обуславливает то, что это дологоцентрический принцип: настоящий логоцентризм начинается с закона исключения третьего. Итак, получается,

что рассмотренный принцип формирования представлений о реальности (или смыслопорождения, что в данном контексте одно и то же) оказывается достаточно гибким – можно доказать, что угодно из-за отсутствия иммунитета к противоречиям – и из-за этого же самого недостаточно строгим для адекватного описания технических систем и современного естественно-научного моделирования, так как современные конкурентоспособные картины мира, которые удалось построить, базируется на экспликации (а не «замыливании» [1, с. 12-13]) противоречий. Или мы не допускаем наличия противоречий (принцип исключения третьего и базирующийся на нем логоцентризм), или диалектически снимаем эксплицированное противоречие – последняя механика уже присуща постлогоцентрической ментальности.

Рассмотрим предельно упрощенный пример рассуждения, основанного на таком оперировании оппозициями. Разумеется, рассуждения такого рода производятся субъектом в «фоновом» режиме, они неотрефлексированы в полной мере, однако, именно такими рассуждениями объясняется выбор среди альтернатив при принятии наиболее важных, можно сказать, сакральных решений. Итак, зададимся вопросом, что нам (гипотетической стране с холодным климатом) больше подходит, монархия или демократия? Рассуждения некоторого субъекта могут быть примерно такие: «Монарх, он как скала, поэтому со стихией камня соотносится. Демократия подобна улью, все жужжат, что-то обсуждают, спорят, ссорятся. Демократия колкая, агрессивная и непостоянная как огонь. Холодной стране огонь не подойдет, они не уживутся, буду постоянно гасить друг друга. А вот стихия камня вполне подойдет, вполне органична будет, поэтому монархия лучше». Такое вот рассуждение. Очевидно, что можно придумать аналогичное рассуждение, доказывающее обратное с той же степенью правдоподобности. Например, другой субъект может рассуждать так: «История показывает, что абсолютная, ничем не ограниченная монархия обязательно приводит к междоусобным войнам. Всегда было так. Она погружает страну в огонь гражданской войны. Напротив, демократия есть реализация мягкой силы, любой вопрос можно обсудить, решить голосованием, обсудить еще раз. Она мягкая и сильная как вода. Стихия огня холодной стране не подойдет, будут гасить друг друга, а вот стихия воды вполне. Поэтому демократия для нас лучше». Очевидно, почему такой способ рассуждения как способ дополнения представлений о реальности не чувствителен к противоречиям: если эксплицировать противоречия, станет очевидным, что любой тезис так же верен, как и его антитезис, тогда любая концептуальная система разваливается. Поэтому такой гибкий способ рассуждения и сопряжен с иммунитетом к противоречиям и является, повторимся, дологоцентрическим.

Рассмотрим теперь уже логоцентрические способы смыслообразования. Инверсионный принцип оперирования бинарными оппозициями схе-

матично может быть описан как периодическое переклеивание «ярлычков» с оценочными суждениями с полюса на полюс без обживания смыслового пространства между полюсами полагаемых оппозиций. То, что было условно «плохим», начинает восприниматься, как хорошее и должное и наоборот. Истовая вера сменяется воинствующим атеизмом и снова происходит возврат к истовой вере. Промежуточный концепт просвещенного (соотносится в этом примере с атеизмом) гуманизма (соотносится здесь с верой, милосердием и моралью) не формируется в целом. Другой пример. Монархия сменяется так называемой диктатурой пролетариата, которую вновь сменяют монархические настроения и призывы. Диалог в новых координатах – нам больше подойдет президентская республика или парламентарная? – по-настоящему широко и глубокого не ведется в обществе.

Напротив, если в этом примере полагание оппозиции «президентская или парламентарная республика» все-таки происходит между полюсами исходной оппозиции «монархия – власть народа», мы говорим о медиативном оперировании бинарными оппозициями и, как следствие, о медиативном смыслообразовании. Но если пространство между исходными оппозициями остается не заполненным новыми порожденными оппозициями, а мы лишь мечемся между полюсами в попытках реанимировать, перезапустить, обновить утраченный эвристический потенциал «затертого» полюса бинарной оппозиции, то перед нами инверсивный принцип оперирования бинарными оппозициями и, как следствие, инверсивное смыслопорождение.

Вообще говоря, произвести детальный анализ даже в рамках отдельно взятой концепции Пелипенко весьма непросто. Во-первых, у одного и того же человека присутствуют различные сектора ментальности, принимающие активное участие в процессе принятия решений в различное время. У некоторых людей какой-то из секторов ментальности становится доминирующим, и тогда про этого человека можно приближенно сказать, что у него определен тип ментальности. Но такое бывает не всегда: часто отдельный человек – это сложное переплетение различных типов ментальности. Во-вторых, общество – это сложно стратифицированное образование. В нем есть люди с разным доминирующим типом ментальности. Эти люди присутствуют в обществе, в этносе в различных пропорциях и находятся в сложной взаимосвязи друг с другом. Так что свести весь этнос к ментальности одного типа в общем случае достаточно проблематично. Однако, как бы это ни было странно, даже такое в высшей степени упрощенное, схематичное сведение подчас оказывается весьма эвристическим.

Итак, насколько же эвристично введение в анализ учета дологоцентрического принципа, а также медиации и инверсии? Сможем ли мы получить выводы, отличные от выводов Манфреда Кетс де Вриса, и про которые можно сказать, что они, возможно, глубже? По-видимому, да.

Эффективность инновационной системы и принципы оперирования бинарными оппозициями

Сравним страны евро-атлантического ареала, «русскую систему» и, скажем, Китай. Манфред Кетс де Врис отмечает, что у людей в России существенно выраженная склонность к науке и технологиям, но созданию инновационных компаний это мало помогает. Де Врис особенно не старается объяснить этот феномен, однако предлагает меры по улучшению образования. А объяснять этот феномен, безусловно, нужно. Одно из возможных объяснений состоит в том, что, согласно А.А. Пелипенко, людям в России меньше свойственен медиативный способ смыслообразования и больше присущ инверсионный. Инверсионный принцип оперирования бинарными оппозициями, так как является логоцентрическим (то есть согласованным с законом исключения третьего), в некоторой мере способствует созданию результатов в точных науках и технике, однако очень мешает состыковке теории и практики; состыковке технических заделов и требований рынка (из-за обилия «человеческого фактора» в реальном поведении игроков рынка).

Напротив, последовательной и эффективной состыковке качественно различных топосов культуры способствует медиативный принцип оперирования бинарными оппозициями, присущий в достаточной мере субъектам на уровне принятия решений в странах евро-атлантического ареала. При таком способе конструирования представлений о реальности выстраивается последовательная прогрессия смыслов в пространстве между полюсами, которые нужно соединить «мостиком». На практике такой способ конструирования представлений о реальности, базирующийся на медиации (то есть посредничестве между полюсами бинарных оппозиций), приводит к значительному, измеримому и заметному стороннему наблюдателю повышению интенсивности протекания инновационных процессов, повышению эффективности конвертации научно-технического задела в новую и востребованную рынком продукцию. Разумеется, описанная здесь картина очень схематична: детальное описание связей принципов оперирования бинарными оппозициями с инновационными процессами в реальном секторе экономики, во-первых, требуют другого формата (монографии, а не статьи), а во-вторых, до конца еще не известны, и их экспликация – предмет отдельного исследования. Но даже уже в такой схеме видно, что различные высокотехнологичные, «знаниеёмкие» процессы – создание научно-технологического задела и инновационно-внедренческая деятельность – могут протекать с существенно различной эффективностью в странах с различными ментальными настройками. Хотя с бытовой точки зрения кажется, что для этих процессов достаточно наличие «просто» умных людей. Однако, более детальный анализ показывает, что это не так. В России, по оценкам Манфреда Кетс де Вриса, первые протекают эффективно, а вторые – не очень.

С существенными оговорками, но можно считать, что Китай (особенно раньше) и Индия не очень сильны в создании собственного научно-технического задела, но весьма неплохо копируют созданные другими заделы, превращая их в работоспособные инновации. Получается, что хотя умных людей везде много (в большой стране уж точно), разные этапы научно-инновационного цикла реализуются с существенно различной эффективностью.

Китай и во многом Индия представляют собой поздних дологоцентриков. Их дологоцентрический способ смыслопорождения создает концептуальные структуры еще недостаточно строгие и стройные, чтобы они смогли стать научно-техническим заделом мирового уровня. Но обратная сторона этой недостаточной строгости порождения картины мира – гибкость создаваемой картины мира – позволяет поздним дологоцентрикам осуществлять эффективную рецепцию уже созданных новаций, тем самым реализуя впечатляющие инновационные проекты мирового уровня.

Более того, в рассмотренных России и Китае существенно ориентация на авторитарный склад госуправления, однако эти страны более эффективны на принципиально разных этапах научно-инновационного цикла. Следовательно, из авторитарности государственной политики как таковой типичные свойства управленцев и эффективность создаваемых ими инновационных контуров не выводятся. Скорее, и авторитарность, и эффективность лишь определенных инновационных этапов – мало связанные следствия одной причины, а именно – типа ментальности.

Глубинные основания принципа открытости и децентрализованного управления

В этой оптике можно показать, почему «русской системе» присуща тяга к закрытости, автономизации, автаркии, обособлению от остального мира. Система, которая производит высоkokлассные научно-технические заделы, но не умеет хорошо их встраивать в общественные процессы, естественным образом будет стремиться к замкнутости, так как это для нее выгоднее открытости. И действительно, в условиях замкнутой системы созданные наработки и заделы рано или поздно «дозреют», будут так или иначе интегрированы в систему и начнут работать на благо общества. Но если мы закрытую систему сделаем открытой, то наработки и заделы будут скопированы конкурирующими системами, а если последние способны к быстрому внедрению наработок, то выгоды от их использования получат конкуренты, а не те, кто эти наработки создал.

Аналогичным образом можно объяснить вековую закрытость китайской экономической системы, а потом – вдруг?! – её частичную открытость и включенность в глобальные процессы. Разумеется, было бы наивным думать, что лишь одним фактором можно объяснить столь глобальные трансформации в такой большой стране. Но, на наш взгляд, можно принять как гипотезу, что одной из глубинных причин описанного явления

стала появившаяся возможность начать копировать действительно высокотехнологические (логоцентрические по генезису!) наработки. Ранее Китаю было выгоднее оставаться закрытым. Недостаточно стройный, нечувствительный к противоречиям механизм порождения представлений о реальности не позволял в должной мере конкурировать в скорости создания новаций со странами евро-атлантического ареала, а лучший способ не конкурировать – закрыться. Тем более, открытость не несет особых выгод: инновации, пригодные для быстрого и эффективного копирования (напомним, логоцентрические), еще не были созданы. Напротив, в постпромышленную эпоху выгоды от частичной открытости для Китая перевесили недостатки от возможной лобовой конкуренции с большим системным миром, так как копирование наработок других перекрывало эти недостатки.

Аналогично становится понятной последовательная тяга стран евро-атлантического ареала к открытости. Преобладающий способ смыслообразования из-за своей логоцентрической стройности и строгости, базирующийся на внимательном «отлове» противоречий (а не «замыливании» их) позволяет не опасаться лобовой конкуренции в создании научно-технологического задела, а медиативность этого способа смыслообразования, способность эффективно «перекидывать мостики» между различными культурными топосами, между теорией и практикой, между различными социальными институтами помогает органично встраивать в собственную систему не только свои наработки, но и наработки других государств. Очевидно, в этом случае больше выгод принесет открытость.

Если уйти от геополитических реалий в описании принципа открытости вообще и открытого управления в частности, то может быть полезной его иллюстрация на примере программного обеспечения с открытым кодом. Многие крупные коммерческие IT-компании развивают свои «опенсорсные» проекты. Зачем они это делают? Зачем они бесплатно делятся с конкурентами своими наработками? По-видимому, потому, что, как и в вышеприведенных примерах, получаемые выгоды от развития проектов с открытым исходным кодом превышают возможные издержки. С издержками в целом всё понятно: высокую зарплату разработчикам ПО нужно платить, а продукт никакой не продается, кроме того, создаваемые наработки могут быть использованы конкурентами.

А в чём же состоят выгоды тогда? Они следуют из преимуществ, которые несет независимый внешний аудит кода и, следовательно, навыков разработчиков, которые этот код пишут. Таким образом, если большая компания ведет open-source-проекты, она фактически признает, что ни ее отлаженный менеджмент, ни HR-отдел, ни перекрестная внутренняя экспертиза (которая не является независимой) не могут обеспечить такое качество аудита, что приходится нести еще дополнительные издержки, чтобы всё-таки выгоды от независимого аудита получить. Сильно упрощая, можно оценивать уровень, класс разработчиков по числу так называемых ком-

митов в проекты на github, имеющих число так называемых форков выше некоторого порога. Гипотезируем, что такой показатель не только будет хорошо коррелировать с реальным классом, уровнем разработчика, но и будет маломанипулируемым: то есть «накрутить» можно, наверное, любой показатель, но искусственно завысить значение такого рода показателей будет слишком сложно, долго и дорого, что очень немногим интересантам это удастся сделать. И очевидно, что необходимым условием существования платформ для проектов с открытым кодом, является интернет. Говоря философским языком, «сущее, обретшее дискурс» [5] в его лице должно иметь возможность выплеснуться, то есть талантливый, но даже не занимающий высоких постов разработчик программного обеспечения должен иметь возможность при случае сказать: «А король-то голый! Тут в коде неявная, но грубая ошибка!» Без интернета сущее оставалось, по словам Пелипенко, «написанным на заборе, которое никто не читал» [5].

Итак, интернет привнес возможность внешнего, по-настоящему независимого и весьма экспертного (можно делать скоринговые оценки экспертности) аудита. Выгоды внешнего аудита превысили издержки на его обслуживание, это привело к рождению принципов открытого, децентрализованного управления. От интернета как технического новшества больше преимуществ получили те ментальные типы, которые комплементарны открытости, корреспондируются с ней. Напротив, ментальные типы, тяготеющие к закрытости, не получили соответствующего ускорения развития после экспансии интернета. Но есть и другое влияние: в этносах и государствах, которым свойственна закрытость, и в которых на уровне принятия решений находятся субъекты с ментальными настройками, ориентированными на закрытость, будет происходить и уже происходит существенная перестройка социальных лифтов. Новые социальные лифты выдвинут на передний край субъектов с типом ментальности, более склонной к медиации, к перебрасыванию «мостиков» между разными секторами реальности и, следовательно, более склонным к открытости в самом широком понимании. Тогда и эти государства смогут извлечь глубинные выгоды от появления интернета вообще и современных средств коммуникации в частности. В этом состоит одна из надежд на то, что неизменная, каждый раз как Феникс из пепла восстанавливающаяся в исходном виде вне зависимости от внешних обстоятельств «русская система» наконец-то изменится.

Будущее управленческой культуры в России

Какие же перспективы открывает такое рассмотрение в анализе будущих трансформаций российской управленческой культуры? Что мы можем узнать нового о будущем типов управления в России при помощи такого анализа? Может ли что-то поколебать культурно-историческую устойчивость, слабую зависимость от внешних факторов российских типов управления? Что может поменяться во внешнем мире, чтобы субъект с типом ментальности, склонной к медиации, и, как следствие, к созданию ин-

новационных предприятий, вышел на уровень принятия решений? Наш предварительный анализ показывает, что предложения, выдвигаемые Манфредом, – уйти от атеизма и авторитарности; развивать образование как таковое – вряд ли сработают. Однако, на наш взгляд, есть такие изменения, которые способны всё изменить. Речь об интернете. Повторимся, ведь по меткому замечанию А.А. Пелипенко «с появлением интернета сущее обрело дискурс, и это произошло впервые в истории» [5].

Это именно то изменение внешней среды, которое способно трансформировать остававшееся неизменным столетия положение вещей. Интернет и сервисы, построенные на его основе, позволят сначала соединить разрозненные силы субъектов, способных к медиативному смыслообразованию, а затем помогут им выйти на уровень принятия решений.

Разумеется, это произойдет не в одночасье, и можно даже наметить определённые вехи на этом пути. Важную роль здесь сыграет становление мегаполисов вообще и мегаполисного сознания [2], в частности, как более медиативного, открытого, восприимчивого к инновациям, как техническим, как и общественно-культурным.

Заключение

Итак, можно в целом согласиться с Манфредом Крес де Врисом в том, что можно выделить три типа российских управленцев – «местные» традиционалисты, космополиты и «местные» современные (их еще, наверное, почвенниками можно назвать). Более того, можно также согласиться с ним, что последний тип сейчас только нарождается, но именно он будет иметь решающее значение в грядущих трансформациях. Наш анализ показывает, что причины такой типологизации, а также того, что «местные» современные нарождаются и выходят на уровень принятия решений именно сейчас, можно указать более глубокие, чем указанные Манфредом. Вряд ли можно согласиться, что специфика российской управленческой культуры выводится из воинствующего атеизма времен коммунизма, специфики православия как ветви христианства и прочего. Скорее, специфика и управленческая, и религиозно-атеистическая, и авторитарный характер лидерства есть относительно независимые следствия типа ментальности, сложным образом сформированной за долгую историю на территории России. Из этого следует, что и меры, предлагаемые Манфредом, для повышения эффективности инновационных процессов, нельзя признать подходящими. Мораль ради морали, как он ее понимает, вряд ли приживется. Экспансия религиозных институтов вряд ли повысит восприимчивость к инновациям и улучшит инвестиционный климат. Призыв сделать больший упор на просвещение вряд ли что-то изменит. Ведь распространенность и доступность образования у нас высокая уже много десятилетий, но «русская система» с её негибким культурным кодом и малой восприимчивостью к инновациям продолжает воспроизводить себя снова и снова. Но с появлением интернета «сущее обрело дискурс впервые в истории», и это

меняет баланс сил, и как гипостазировано выше, может привести к коренным изменениям в «русской системе». Именно это и лежит, на наш взгляд, в основе формирования третьего типа управленцев, точно описанного Манфредом. И этот же «выплеск сущего» [5] посредством интернета приведет к выдвижению «местных современных» (почвенников) на уровень принятия решений.

Литература

1. Алексеев П.В, Панин А.В. Философия: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 592 с.
2. Власова Е.А. Мегаполис как семантико-символическая система: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Москва, 2013.
3. Пелипенко А.А. Постижение культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. – М.: РОС-СПЭН, 2012. – 607 с.
4. Пелипенко А.А. Проклятие «Русской матрицы». – Власть. 2014. № 2. – С. 17-20.
5. Пелипенко А.А. Videоблог. Режим доступа: <https://youtu.be/AKyhV6xv15M>. 24.02.2020.
6. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории. – Полис. Политические исследования. 2001. № 4. – С. 37.
7. Салтыков С.А., Русяева Е.Ю. Инновационные компании: необходимость изменения корпоративной культуры в соответствии со стратификацией культурно-ментальных типов // Друкерровский вестник. 2017. № 5. – С. 103-110.
8. Heuser R., Le-Khac L. A quantitative literary history of 2,958 nineteenth-century British novels: The semantic cohort method. – Verlag nicht ermittelbar, 2012.
9. Kets de Vries, Manfred F.R. Exploring the Russian Leadership Mystique: A Plea for Change (November 13, 2018). INSEAD Working Paper No. 2018/53/EFE. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3283582>.
10. Kets de Vries, Manfred F.R. et al. The new Russian business leaders. – Edward Elgar Publishing, 2005.

Поступила в редакцию

03.04.2020

Салтыков Сергей Анатольевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, г. Москва, Россия.

Saltykov Sergei An. – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher at the V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Россия, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 65
65, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russia
e-mail: sergey.saltykov@gmail.com